

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

МОНОГРАММА « W »

НЕЗАБЫТЫЕ ИМЕНА

Раиса Варцава

Если кому доведется среди сокровищ Эрмитажа, Русского музея увидеть хранимые как величайшую ценность фарфоровую чашку, табакерку с монограммой «W», или хотя бы услышать, прочитать, что кто-то держал в руках такую чашку, табакерку, — знайте, за старинной этой монограммой сокрыто имя уроженца славного города Суздаля Дмитрия Виноградова.

Будущему создателю русского фарфора, строителю первого в России фарфорового производства суждено было явиться на свет в доме протопопа суздальского Рождественского собора — в году 1720-м. Из самой российской глубинки, из глуши провинциального городка возвысилось имя Дмитрия Виноградова и стало гордостью России.

На неполный десяток лет был он моложе Ломоносова, и неспроста приходит на ум память о русском гении — в жизни обоих, в складе натур словно бы записаны одни и те же строки и прочитываются одни страницы. Судьба свела их под сводами Заиконоспасского монастыря в Москве — знаменитой в истории русского образования Славяно-греко-латинской академии. В числе лучших учеников оба были откомандированы для продолжения образования при Петербургской академии наук. Говорилось в запросе президента академии: «...избрать и отправить сюда отроков добрых, которые в приличных к украшению разума науках довольно знание имели».

Прошли и эти годы обучения, и академическое начальство решает отправить своих питомцев к постижению практических знаний по горному делу и металлургии — в Германию, сначала в Марбург, для теоретической подготовки у известного по своей ученой части профессора Вольфа, а затем во

Фрейбург — поближе к местам рудной добычи.

Были выбраны «из нижеозначенных учеников»:

«Дмитрий Виноградов, попович из Суздаля», шестнадцати лет; Михайло Ломоносов, крестьянский сын из Архангельской губернии, двадцати двух лет».

Программа обучения предусматривала постижение химии и минералогии, металлургии и горного дела. Полезнее всего, говорилось, раздел о минералах, «царстве ископаемых»; надлежало распознавать породы руд, собирать образцы в местах выработок. Не лишены курьеза — истинно в духе тех лет — академические наставления: содержать себя в страхе Божьем, не заниматься колдовством и волшебством, не учинять скандалов, не бродить по ночным улицам и не плясать на свадьбах. И опять же, улыбнемся, шли письма из Петербурга: ради экономии средств отказаться от уроков танцев и фехтования, хотя и так российские студюзусы существовали впроголодь, а ученые немцы секреты выдавали неохотно.

Когда Виноградов вознамерился посетить Дрезден, ему выдали паспорт, из которого явствовало, каков был он на вид: высокий рост, темные волосы, одет в красный кафтан. Где он теперь, тот красный кафтан, а только видишь его, Дмитрия Виноградова: высокий, красивый и в красном кафтане!

Вернувшись на родину с блестящими аттестациями в достигнутых успехах, молодой ученый поступает в ведение Горной коллегии, получает звание «бергмейстера», горного инженера. Вскоре его отзывают в распоряжение Кабинета ея императорского величества, ведавшего делами государственной важности, и определяют к заданию, которое

держалось в тайне, — к изготовлению отечественного фарфора. И вот тут-то начинается стремительный взлет его научных дарований, организаторских способностей. Было ему тогда двадцать три года. Прежний управитель «порцелиновой» — фарфоровой — фабрики саксонец Гунтер, не проявивший должной компетентности, получает отставку, новый распорядитель ставит изыскания на планомерную научную основу. Одни программные опыты следуют за другими — в капитальной монографии советского исследователя фарфорового производства в России М.А.Безбородова обстоятельно прослеживается, что русский фарфор был создан в результате настойчивых и самостоятельных трудов Виноградова. А труды эти вместили в себя и пробы технологических процессов, разведывание материалов, конструирование печей, режимы температурной закалки, рецептура глазури, красок и еще сотни тех самых забот, без которых не свершается открытие.

Поистине, он умел быть един во всех лицах, как и его великий друг Ломоносов.

В 1747 году был получен первый устойчивый образец, пригодный к промышленному производству. Этот год считается годом рождения русского фарфора. Фабрика стала именоваться Императорской порцелиновой мануфактурой. У нее оказалась славная история. За два с половиной столетия чередовались стили, направления в искусстве: пасторали рококо сменялись строгостью классических линий, свое слово говорил суровый воинственный ампир. Производство откликалось на новые и новые веяния, и в этом смысле продукцию завода можно рассматривать как историю рус-

ского прикладного искусства. И оставался неизменным высочайший уровень технологии — виноградовский «порцелин» стоит в начале всего развития русского фарфорового производства — гарднеровского, кузнецовского заводов, образует мировую славу русского фарфора.

Ныне старейший фарфоровый завод в Петербурге, на набережной Невы, носит имя М.В.Ломоносова. Кому неведом его глубокий темно-синий кобальт с золотой каемкой — «коронные» изделия Ломоносовского завода! Вот область художественного производства, которая вошла в духовную плоть России.

А сам создатель русского фарфора прожил недолго — 38 лет. Судьба его оказалась трагичной. На фабрике был установлен крепостной режим. Человеческое отношение к рабочим ставилось Виноградову в вину. Нередко рабочих секли или приковывали цепью к стене. Угрожали цепью и самому Виноградову. Жалованье на руки ему не выдавали. Человека унижали и оскорбляли. Сколько таких историй помнит Россия! Тяжелое моральное и физическое состояние свело талантливого инженера в могилу. Место его захоронения неизвестно.

Что же связано с памятью о Дмитрие Виноградове в его родном Суздале? Сохранилось здание, в котором размещалась «цифирная школа», где он учился в детстве, но не сохранился дом семьи Виноградовых. Место, на котором стоял особняк, стало охранной зоной на территории Суздальского кремля. И, разумеется, высится над городом Рождественский собор, где нес свое пастырское служение отец будущего ученого протопоп Иван Степанович Виноградов, о чести и справедливости которого в Суздале доныне передаются предания, похожие на легенды.